

Изъ дневника священника Іоанна Купцова.

Какъ въ предыдущіе, такъ и въ семь году я, встрѣчаясь съ татарами, при различныхъ удобныхъ случаяхъ, при помощи книгъ и брошюръ, изданныхъ на нарѣчіи Сибирскихъ и Казанскихъ татаръ, а также и личныхъ разговоровъ на татарскомъ языкѣ, имѣлъ возможность сообщать и объяснять имъ изъ области православной христіанской религіи: о Трїединомъ Богѣ, сотвореніи міра, грѣхопаденіи первыхъ людей, обѣщаніи Богомъ Спасителя, пророчествахъ о Спасителѣ, Пресвятой Дѣвѣ Маріи, рождествѣ и земной жизни Іисуса Христа, сошествіи Святаго Духа на апостоловъ, распространеніи христіанства чрезъ проповѣдь апостоловъ, жизни нѣкоторыхъ св. угодниковъ Божіихъ и нетлѣнныхъ мощахъ ихъ, началѣ иконопочитанія; убрусѣ, чудесныхъ событіяхъ, бывшихъ отъ св. иконъ, Воздвиженіи Честнаго и Животворящаго Креста Господня, силѣ Его; убѣждалъ татаръ познаться съ русскою грамотою. Велъ и другіе разговоры. Для просвѣщенія русскихъ произнесены были мною за церковными службами и между ними въ Великій постъ готовыя поученія и проповѣди разныхъ авторовъ, а также и при посѣщеніи домѣвъ прихожанъ объяснялъ имъ по силѣ возможности тотъ или другой недостатокъ ихъ въ религіозно-нравственномъ отношеніи. По моей просьбѣ нѣкоторые изъ прихожанъ содѣйствовали дѣлу миссіи кто чѣмъ могъ. Иной разъ,

будучи сами не въ состояніи бороться съ татарами за вѣру, они направляли ихъ ко мнѣ, какъ знающему ихъ языкъ и жизнь. Татары, познакомившись со мною, уходя, обыкновенно просили меня посѣщать ихъ дома. Муллы, учуявъ вліяніе сотрудниковъ миссіи на религіозную сторону татаръ и признавая насъ за опасныхъ враговъ Ислама, встали на стражу: запрещаютъ татарамъ имѣть общеніе съ сотрудниками и просятъ всячески избѣгать ихъ. Одинокихъ татаръ, живущихъ среди русскихъ, въ нешемъ приходѣ нѣтъ. Изъ своей трехлѣтней практики я вижу, что при бесѣдахъ съ магометанами о вѣрѣ не слѣдуетъ спѣшить къ разоблаченію магомета, потому что это вызываетъ въ нихъ озлобленіе и у нихъ исчезаетъ любопытство къ слушанію проповѣдуемаго имъ слова Божія. Лучше сначала сообщать имъ что-нибудь изъ христіанской вѣры, не задѣвая ихъ самолюбія; тогда они бываютъ спокойны во время собесѣдованій. Въ семь году произведено мною 12 бесѣдъ.

Февраля 7 дня я ѣздилъ съ женой въ Кобякскія юрты (въ 12 в.) въ гости къ Муэдзину Мифтахутдину съ цѣлію поддержать дальнѣйшее продолженіе нашихъ прежде начатыхъ бесѣдъ о религіи. Взялъ жену съ собою во исполненіе желанія Мифтахутдина, неоднократно просившаго уже объ этомъ и грозившаго въ противномъ случаѣ прекращеніемъ дружескихъ отношеній нашихъ. Нашему пріѣзду Мифтахутдинъ обрадовался и во всемъ проявлялъ свое гостепріимство. Привезъ я съ собою разныя книги и брошюры на татарскомъ языкѣ, къ чтенію которыхъ немедленно приступилъ. Прежде, чѣмъ начать чтеніе, просилъ у предстоящихъ дозволенія на это. Препятствій не оказалось. Тогда прочитано было мною изъ Евангелія на татарскомъ языкѣ о рождествѣ, отрочествѣ, крещеніи и искушеніи І. Христа и бесѣда Его съ Никодимомъ. Все это было выслушано ими молча, безъ возраженій. Во время чтенія число любопытныхъ слушателей незамѣтно росло. У Мифтахутдина есть сынъ Хисамъ, лѣтъ 20, котораго онъ по моему совѣту училъ русской грамотѣ въ Ярковской школѣ грамоты. Этотъ Хисамъ перебиралъ всѣ мои книги и брошюры читая ихъ себѣ подъ носъ. Нѣсколько книжекъ я оставилъ Хисаму для чтенія. Въ числѣ слушателей находилась теща Хисама, гостившая въ то время у нихъ. Тронутая и взволнованная слышаннымъ, она начала говорить: „Вы читаете и говорите только о своемъ пророкѣ Іисусѣ, о нашемъ-же пророкѣ Мухаммедѣ ничего не говорите. Какъ ни хвалите свою вѣру, а все-же наша лучше. Вы, русскіе и Богу молитесь немытые, въ грязномъ видѣ,

что передъ Богомъ неприлично, и Богъ отъ такихъ отвращается, а мы, мусульмане, этого себѣ ни подъ какимъ видомъ не дозволяемъ. У насъ грязные и пьяные не допускаются даже до порога мечети, а у васъ въ церковь всякій человѣкъ ходитъ: и грязный, и пьяный, и жены, и дѣвицы“.

— „Мы хвалимъ Иисуса потому, что Онъ по Своимъ словамъ и дѣламъ достоинъ этой похвалы. Дѣла, какія Онъ творилъ на землѣ, никто на свѣтѣ не могъ творить, кромѣ Бога. Вашъ Мухаммедъ ничего чудеснаго не дѣлалъ. Когда современники требовали отъ него доказать свое посланничество какимъ-нибудь чудеснымъ событіемъ, то онъ отказывался отъ этого ссылаясь на неимѣніе отъ Бога дара чудотворенія. Истинные посланники старались водворить миръ въ народѣ, а вашъ Мухаммедъ въ своемъ Коранѣ заставляетъ убивать людей: „Убивайте многобожниковъ, гдѣ ни встрѣтите ихъ“. говоритъ онъ въ 9 гл. 5 ст., въ другомъ мѣстѣ Корана:—„убивайте невѣрующихъ“ (2, 186—189). Вслѣдствіе чего вы, мусульмане, должны убивать тѣхъ, кто не вѣритъ въ Мухаммеда. Хорошо-ли вы сдѣлаете, если живя среди христіанъ, каждаго христіанина будете убивать на мѣстѣ встрѣчи съ нимъ. Убіиство — самый тяжкій грѣхъ. Вотъ къ чему призываетъ вашъ посланникъ — Мухаммедъ. Можно-ли послѣ этого хвалить его? Еслибы онъ былъ истинный посланникъ Божій, то не заводилъ бы убійства между людьми. Нашъ Иисусъ Христосъ даже и тогда молился за своихъ враговъ, когда Его распяли на крестѣ невинно.

Въ это время Мифтахудинъ, сидѣвшій за столомъ противъ меня, беретъ въ руку ножъ, лежащій тутъ на столѣ и, проводя имъ по голому столу, начинаетъ въ возмущенномъ видѣ говорить въ защиту Мухаммеда. Желая дать ему возможность успокоиться, эти неправильныя объясненія я оставилъ безъ возраженій. Богъ его знаетъ съ какой цѣлю онъ взялъ въ руки ножъ. Можетъ онъ худого ничего не имѣлъ въ виду, но мнѣ было страшно, когда я сидѣлъ среди фанатичныхъ татаръ въ беззащитномъ положеніи противъ Мифтахутдина, который держалъ въ рукѣ ножъ и говорилъ нѣсколько въ возвышенномъ тонѣ въ оправданіе Мухаммеда. Объятый страхомъ, я тогда ничего не могъ понять изъ объясненій Мифтахутдина, который, не встрѣчая съ моей стороны опроверженія, въ концѣ концовъ смягчился и остановился. Хотя татарка-гостья

задала мнѣ рядъ очень сложныхъ вопросовъ, требующихъ надлежащаго объясненія, но я уже рисковалъ жизнью за объясненіе подобныхъ вопросовъ, и наши дружескія отношенія могли бы прекратиться, между тѣмъ они дали возможность при удобныхъ случаяхъ сѣять между татарами Христово сѣмя посредствомъ чтенія книгъ и мирныхъ бесѣдъ на ихъ природномъ языкѣ.

10-го февраля Мифтахутдинъ пріѣхалъ ко мнѣ посидѣть и поговорить, какъ онъ обѣщалъ, но меня дома не засталъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ дневника священника Іоанна Купцова *).

Марта 1 дня. Въ приходской деревнѣ Мысаевой, въ домѣ крестьянина Спиридона Θεодорова Быкова встрѣчаю нѣсколько татаръ, сидящихъ у порога. При моемъ появленіи они прекращаютъ свой разговоръ. О чемъ они говорили, — не знаю. Я предложилъ имъ говорить дальше и сѣлъ возлѣ нихъ, желая послушать ихъ. Почему то они долго молчали, видимо, въ чемъ-то сомнѣвались. Я смотрю на нихъ, а они на меня. Сдѣлавъ такимъ образомъ маленькую паузу, одинъ изъ нихъ, постарше съ виду, вступая въ разговоръ со мною, спрашиваетъ: „А ты мулла, нашъ татарскій языкъ понимаешь?“ — „Понимаю“. — „И говорить можешь?“ — „Могу“. — „А ты какъ научился по нашему говорить?“ — „Вашъ языкъ я знаю съ дѣтства. Было даже такое время, что я, пока былъ неграмотнымъ, ни одного русскаго слова не зналъ“. — „Какже ты говоришь, что по-русски не зналъ: вѣдь ты русскій?“ — „Нѣтъ я, — татаринъ, исповѣдующій православную христіанскую вѣру“. Такія слова удивили татаръ и привели ихъ въ недоумѣніе: они не знали, вѣрить мнѣ, или нѣтъ. Простоявъ въ такомъ положеніи немного, одинъ изъ нихъ спрашиваетъ: „Когда ты, мулла, знаешь нашъ татарскій языкъ, то почему магометанскую вѣру не держишь?“ — „Потому, что я уже удостовѣрился въ истинности этой христіанской вѣры. На свѣтѣ вѣръ очень много, но не всѣ онѣ истинны, изъ нихъ должна быть только одна истинной, а всѣ прочія — ложны. А для того, чтобы узнать истинную вѣру, нужно самымъ тщательнымъ образомъ разбирать и сравнивать между собою всѣ существующія на свѣтѣ вѣры. При такомъ разбирательствѣ ваша магометанская вѣра не выдерживаетъ критики. Она во всемъ проявляетъ свою ложность. По своимъ словамъ и дѣламъ Магометъ не достоинъ званія пророческаго. Татары слушали меня, опустивъ свои головы. Не успѣлъ я высказать имъ свои мысли, народившіяся тогда у меня въ головѣ, какъ подходитъ ко мнѣ хозяинъ дома и предлагаетъ пройти въ переднюю комнату. Надѣясь опять выйдти, къ татарамъ для разговора, я удовлетворилъ просьбу хозяина. Мои собесѣдники должно быть этого только и ждали. Черезъ минуту ихъ уже тамъ не было.

Просидѣвъ немного, я сталъ направляться домой. Входитъ неизвѣстный татаринъ. Я остановился, познакомился съ нимъ. Зовутъ его „Ма-

*) См. № 14 „Тобольскія Епархіальныя Вѣдомости“ за 1909 г.

теарь“, по-русски „Матвѣй“. Живетъ онъ въ юртахъ „Тирянайыръ“ или—Агидкахъ, версть за 50 отъ деревни Мысаевой, Когда онъ назвалъ себя по-русски Матвѣемъ, я обратилъ на это вниманіе и говорю: „Должно быть тебѣ, Матеарь, русское имя нравится, что называешь себя Матвѣемъ?“ — „Нравится“. — „Если тебѣ желательно быть Матвѣемъ, то ты брось имя Матеарь и будь настоящимъ Матвѣемъ, въ честь св. апостола и евангелиста Матѳея, котораго мы хорошо знаемъ, а кто такой былъ Матеарь—никто не знаетъ. Христіанское имя могутъ носить только люди, вѣрующіе во Христа и окрестившіеся. Окрестись, тогда имя Матвѣй у тебя будетъ собственное и законное“. — „Нѣтъ, лучше буду Матеаромъ. Если я брошу свою магометанскую вѣру, то татары будутъ преслѣдовать меня и убьютъ при первой же встрѣчѣ. Тогда мнѣ съ ними не жить, а придется лишиться своихъ родныхъ, знакомыхъ, родной земли и всего того, что я имѣю. Это дѣло для меня весьма трудное и невозможное. Куда я пойду, всѣми брошенный и преслѣдуемый своими сородичами? Въ настоящее время я живу спокойно, у меня все есть, и меня всѣ уважаютъ и почитаютъ, а тогда я—пропадшій человѣкъ“. — „Нѣтъ, Матеарь, ты будешь тогда не пропадшимъ человѣкомъ, а спасеннымъ; ты спасешь этимъ свою душу. Спаситель нашъ І. Христосъ говоритъ въ Своемъ Евангеліи: „Кто хочетъ идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крестъ свой, и слѣдуй за Мною. Кто хочетъ душу свою сберечь, тотъ потеряетъ ее; а кто потеряетъ душу свою ради Меня и Евангелія, тотъ сбережетъ ее. Какая польза человѣку, если онъ пріобрѣтетъ весь міръ, а душѣ своей повредитъ? Или какой выкупъ дастъ человѣкъ за душу свою. Кто постыдится Меня и Моихъ словъ въ родѣ семъ прелюбодѣйномъ и грѣшномъ, того постыдится и Сынъ Человѣческій, когда придетъ въ славу Отца Своего со святыми ангелами (ев. Мар. 8, 34—38). Выслушавъ эти Евангельскія слова, Матеарь говоритъ: „Въ книгахъ вашихъ и нашихъ говорится много хорошаго, а мы не въ состояніи исполнять ихъ. Живу я всегда по совѣсти, за что Богъ на томъ свѣтѣ меня не обидитъ“. Сказавъ это, онъ перешелъ къ житейскимъ разговорамъ съ хозяиномъ, а я распроставшись по принятому обычаю, отправился домой. На мою просьбу заѣзжать ко мнѣ при случаяхъ, Матеарь отвѣтилъ; „хорошо, хорошо“.

24 марта утромъ я поѣхалъ собирать ругу. Не успѣлъ выѣхать изъ села, встрѣчаю на улицѣ муэдзина Мифтахутдина изъ Кубякскихъ

юртъ. Увидѣвъ знакомаго человѣка — татарина, я остано­вился, онъ — то­же. Поздоровались. Изъ разговора я понялъ, что онъ направляется ко мнѣ; я заворотился и поѣхали вмѣстѣ съ нимъ ко мнѣ. У меня за ча­емъ онъ рассказывалъ, какъ 22-го марта былъ у нихъ въ юртахъ мѣ­стный праздникъ „байрамъ“. Праздникъ этотъ устраивается слѣдующимъ образомъ: Татары извѣстнаго района собираются въ назначенный день въ однѣ юрты, гдѣ долженъ быть этотъ праздникъ, который устраивается въ каждый годъ поочередно въ юртахъ какаго—нибудь района, смотря по тому, изъ какихъ юртъ татаринъ, желающій принять на свой счетъ весь расходъ по устройству этого байрама. Такой татаринъ долженъ во первыхъ устроить пиръ для всѣхъ участвующихъ въ этомъ байрамѣ. Для этого обыкновенно рѣжутъ какую—нибудь скотину: лошадь или корову и сѣдаютъ ихъ. Кромѣ того, онъ даритъ краснымъ товаромъ особо тѣхъ, кто пускаетъ свою лошадь въ бѣгъ, при этомъ руководствуется достоинствомъ коней: перебежавшій первымъ получаетъ самый лучший подарокъ, второй—по хуже, третій еще хуже и т. д. Не остается безъ подарка и послѣдній конь. Затѣмъ устраиваютъ борьбу и дарятъ бор­цовъ вышитыми полотенцами, платками и деньгами, тоже—по достоин­ству борца. Съѣзжаются на этотъ байрамъ муллы и муэдзины изъ раз­ныхъ юртъ; они въ свою очередь, получаютъ тоже подарки деньгами. Вотъ такой праздникъ былъ устроенъ 22 марта въ Кобякскихъ юртахъ. По разсказу Мифтахутдина стеченіе народа было 40 человѣкъ. Про­вели байрамъ очень торжественно. Богачъ, взявшій на себя расходы, дарилъ всѣхъ безразлично и очень щедро: конь, прибѣжавшій первый, былъ наражденъ цѣлымъ кускомъ шелковой матеріи. Всѣхъ коней было пятнадцать и всѣ они получили соотвѣтствующую достоинству награду. Муллы получили по 1 рублю, муэдзины—по 50 к., а всѣ остальные—уже въ меньшемъ размѣрѣ: 30, 20, 15, 10 и 5 коп. Къ обѣду были при­глашены всѣ безъ исключенія, какъ мужчины, такъ и женщины. Живу­щимъ въ этихъ юртахъ, но не могущимъ явиться на пиръ по какой-ли­бо уважительной причинѣ разносили пищу на домъ. По расчтеу Мифта­хутдина такое удовольствіе стало богачу 300 рублей. Въ числѣ собрав­шихся муллъ былъ и Ахунъ (старшій мулла), которому показали книгу: „Первоначальныя свѣдѣнія о прав. христ. вѣрѣ,“ принадлежавшую уче­нику Ярковской школы Хисаму Мифтахутдинову. Книга ему не понра­вилась, онъ отобралъ ее и всѣмъ запретилъ имѣть подобныя книги. Обра-

тился затѣмъ онъ къ публикѣ съ вопросомъ: „Не знаетъ-ли кто изъ васъ о томъ, кто распространяетъ такія книги? Я давно ищу его и вездѣ отбираю такія книги, гдѣ только встрѣчу ихъ. Если изъ васъ кто имѣетъ такія книги, то прошу представить ихъ мнѣ.“

Тогда досталъ я эту самую книгу: „Первонач. свѣд. о прав. христ. вѣрѣ, прочиталъ ее сразу всю и спросилъ: „Есть-ли тутъ что-нибудь худое?“ — „Худого я тутъ ничего не замѣтилъ“, отвѣтилъ Мифтахутдинъ, потряхивая головой и осуждая ахуна за то, что онъ отбираетъ такія книги. вмѣсто отобранной книги я далъ Мифтахутдину въ собственность еще такую-же книгу, за что онъ благодарилъ меня. На столѣ лежало Евангеліе на татарскомъ языкѣ, заранѣе приготовленное на всякій случай. Я взялъ его въ руки, раскрылъ и сталъ читать 5 главу отъ Матѳея о нагорной проповѣди Ис. Христа съ объясненіями непонятныхъ для него мѣстъ. Онъ все слушалъ молча. Когда же я прочелъ 42 стихъ, гдѣ говорится: „Прозящему у тебя дай, и отъ хотящаго занять у тебя не отвращайся“, Мифтахутдинъ заговорилъ: „Вотъ въ этомъ году у меня, какъ тебѣ извѣстно, очень большой расходъ: женилъ сына, весь запасъ хлѣба вышелъ, ѣсть нечего, задолжалъ уже много и обратиться больше не къ кому. У васъ теперь хлѣба есть, собираете ругу, выручайте меня, дайте хлѣба въ займы до новаго хлѣба, не отвращайтесь отъ меня, а старайтесь исполнять слова І. Хр. такъ, какъ Онъ говорилъ. Объяснивъ подробно свои нужды, просьбу Мифтахутдина я счелъ нужнымъ удовлетворить для поддержанія своего авторитета въ его глазахъ.“

18 апрѣля. Въ 7 часовъ вечера прихожу домой со спѣвки. Дождается меня татаринъ изъ Ипанчинскихъ юртъ Няскя Абдуль Оглы, по-русски Василій, грамотный по-русски и по-татарски, сынъ муллы, какъ онъ отрекомендовался. Пригласилъ я его на стаканъ чаю, за которымъ онъ говорилъ, что пришелъ ко мнѣ свѣриться въ истинѣ. Желательно было ему знать, кто живетъ въ с. Бегишевѣ: думалъ не тотъ-ли Іоаннъ, съ которымъ онъ былъ знакомъ и давно уже не видался вълѣдствіе незнанія его мѣстожителства. — „Тотъ Іоаннъ живетъ въ настоящее время въ селѣ Тевризѣ, Тарскаго уѣзда, началъ я объяснять ему, смѣкнувъ въ чемъ дѣло, а я хотя тоже Іоаннъ, но не тотъ. — „Вы его развѣ знаете?“ — „Знаю, въ Казани съ нимъ вмѣстѣ учились.“ Далѣе подробно рассказалъ ему свое происхожденіе и о старо-крещенныхъ татарахъ Вол-

жско—Камскаго края. Это его очень интересовало. Показывалъ я ему всѣ свои книги на татарскомъ языкѣ и просилъ читать тѣ изъ нихъ, которыя ему болѣе нравятся. Разсматривая книги на нарѣчїи Казанскихъ татаръ, онъ говорилъ, что такихъ книгъ ему не приходилось видѣть, а вотъ это я прочиталъ ужъ даже нѣсколько разъ, замѣтилъ онъ, указывая книги на нарѣчїи Тобольскихъ татаръ, и добавилъ: „въ нѣкоторыхъ мѣстахъ напечатано въ нихъ много такого, чему нельзя вѣрить“. Я просилъ его указать мнѣ эти сомнительныя мѣста, но онъ отказался, говоря, что сейчасъ указать ихъ не можетъ, за неимѣніемъ тѣхъ книгъ, въ которыхъ имъ сдѣланы карандашомъ примѣчанія. — „А что вамъ болѣе не нравится въ нихъ?“ спросилъ я вторично, — „Болѣе всего мнѣ не нравится ученіе о троичности единого Бога“ отвѣтилъ онъ. Я принялся за разъясненіе, но онъ прервалъ меня, предлагая остановиться, такъ какъ ему все это давно извѣстно, только не можетъ вѣрить. Прощаясь со мною, онъ просилъ меня побывать у нихъ.

5-го мая былъ у меня татаринъ изъ Бегишевскихъ юртъ для покупки муки. Въ разговорѣ, между прочимъ, со смѣхомъ предложилъ онъ мнѣ жениться на второй женѣ и похвалилъ насчетъ этого свою Магометанскую вѣру. На это я далъ ему надлежащее объясненіе на томъ основаніи, что Богъ, сотворилъ 1-го человѣка Адама, далъ ему только одну жену Еву. Выслушавъ меня, мой покупатель смолкъ.

8-го мая былъ изъ Бегишевскихъ юртъ Каримъ Собанчеевъ и просилъ меня учить его сына русской грамотѣ. Въ просьбѣ я ему не отказалъ. Скоро мы съ нимъ сошлись на условіяхъ: 1) за каждый день, проведенный на занятіяхъ съ его сыномъ, платить по 20 копѣекъ, 2) его сынъ долженъ встать къ кому-нибудь на хлѣбы и ходить ко мнѣ на уроки.

26-го мая въ 10 часовъ утра выѣхалъ я въ Ивановскій монастырь. Около Ипанчинскихъ юртъ присоединился ко мнѣ спутникъ—татаринъ, ѣдущій верхомъ въ г. Тобольскъ. По случаю грязной дороги послѣ дождя мы ѣхали почти все время шагомъ, что дало намъ возможность познакомиться со спутникомъ. Онъ, лѣтъ 60-ти, оказался жителемъ Кобякскихъ юртъ; зовутъ его по-русски Илія. Пользуясь тихой ѣздой, говорили мы съ нимъ обо всемъ: и о религіи, и о житейскихъ дѣлахъ, и о громѣ съ молніей. Изъ области религіи мнѣ довелось объяснить ему о иконопочитаніи и святыхъ угодниковъ Божіихъ, а также

доказать разницу между словами: христианинъ и крестьянинъ, которымъ давалъ онъ одно и тоже значеніе. Вотъ разразилась гроза и стала сверкать молнія; при видѣ ея мой словоохотливый спутникъ то и дѣло вздрагивалъ и что-то бормоталъ про себя. Когда я его спросилъ объ этомъ, то онъ разсказалъ мнѣ слѣдующее: „Во время сверканія молніи я читаю молитву. Наши мусульмане говорятъ, что молнія преслѣдуетъ „джинновъ“ (демоновъ) и убиваетъ ихъ. Въ виду чего джинны въ это время ищутъ себѣ убѣжище у людей, животныхъ и большихъ деревьевъ. Если у кого на устахъ молитва, то къ такимъ джинны не смѣютъ даже и приблизиться. Если же кто допуститъ къ себѣ джинновъ, то молнія убиваетъ его вмѣстѣ съ джиннами. Погибаетъ вмѣстѣ съ ними также и тотъ, кто во время грозы встаетъ подъ дерево. Своими подробными объясненіями я разсѣялъ такое мнѣніе своего спутника о молніи и джиннахъ. Удивляясь моимъ объясненіямъ, татаринъ говоритъ: „Мнѣ ни разу не приходилось слышать подобныхъ словъ ни отъ кого. Видалъ я поновъ много, но они съ нами, татарами, и говорить то не желаютъ. А такого, какъ ты, вижу, впервые“. Разставаясь со мною, онъ просилъ меня заѣхать къ нему на обратномъ пути въ гости и указалъ, гдѣ находится его домъ.

28-го іюля, получивъ отъ епархіальнаго начальства двухмѣсячный отпускъ въ предѣлы Россійской имперіи, я выѣхалъ изъ Тобольска въ Казанскую губернію—на родину. На пароходѣ ѣхали съ нами два незнакомыхъ татарина: старикъ и молодой паренъ, съ которыми я никакъ не могъ завязать разговора о религіи и Богѣ; какъ первый, такъ и второй уклонялись отъ разсужденій о вѣрѣ, говоря, что они не въ состояніи говорить что-либо о такихъ вещахъ за неграмотностью, предоставляя это дѣло болѣе образованнымъ мусульманамъ.

1-е августа. Гор. Екатеринбургъ. Пересадка. Въ вагонѣ мѣсто занялъ рядомъ съ прилично одѣтыми татарами съ извѣстною, конечно, цѣлью и сталъ прислушиваться къ ихъ разговору. Они, ничего не подозревая во мнѣ, безъ всякаго стѣсненія и опасенія, скверно выражались между собою по адресу русскихъ. Одинъ изъ нихъ лѣтъ 50, толстый изъ себя, больше молчалъ и съ недовольнымъ видомъ часто оглядывался въ ту сторону, откуда слышались безцензурныя слова молодыхъ татаръ. Это былъ мулла изъ города Семипалатинска, ѣхавшій тоже на родину, въ одну и ту же волость со мною. Узнавъ это, я заговорилъ съ

нимъ по-татарски и познакомилъ его со своею личностью, что муллу обрадовало. Съ тѣхъ поръ мы ѣхали съ нимъ почти все время не разставаясь, мирно бесѣдуя о видѣнномъ и слышанномъ. Незамѣтнымъ образомъ стали разсуждать о вѣрѣ, Богѣ, Ангелахъ, дживнахъ, блаженствѣ будущаго небснаго рая магометанскаго и христіанскаго и мученіяхъ ада. Въ своихъ мнѣніяхъ мы то и дѣло сталкивались, но безъ обиды другъ на друга. Последовательнаго разсужденія у насъ не было, говорили отрывочно, что въ голову придетъ въ защиту своей вѣры. Въ концѣ концовъ мулла сознался въ своемъ безсиліи противъ меня въ разсужденіяхъ о вѣрѣ, и остановился. Изъ сосѣдняго вагона явился очень прилично одѣтый татаринъ среднихъ лѣтъ, присѣлъ къ своимъ единоплеменникамъ и завелъ разговоръ. Сначала онъ бормоталъ что-то, чего я не дослышалъ, а потомъ отчетливо донеслись до моихъ ушей его слова „Вонъ тамъ сидитъ какой-то долговолосый“. Послеъ чего я сталъ прислушиваться къ ихъ разговору по внимательнѣе. Далѣе онъ продолжалъ: „Теперь, слава Богу, и они учуяли истинность ислама и стали переходить въ нашу сторону. Должно быть подходятъ Богомъ опредѣленныя времена: исламъ начинаетъ распространяться и между русскими. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ исламъ переходятъ уже цѣлыми обществами, даже перешелъ одинъ православный священникъ Уфимской губерніи.

Онъ теперь ѣздитъ по всѣмъ Російскимъ городамъ и вездѣ съ татарами совершаетъ намазы. Былъ онъ и въ Перми, гдѣ я его лично видѣлъ и разговаривалъ съ нимъ. По его словамъ замѣчательно то, что онъ, будучи православнымъ священникомъ, не могъ найти себѣ душевнаго спокойствія ни въ чемъ, теперь же, по переходѣ въ исламъ, считаетъ себя во всемъ удовлетвореннымъ и живетъ ему очень спокойно“. Заинтересованный слышаннымъ, я пересѣлъ къ нимъ поближе, па что татары не обратили вниманія. „Когда онъ лично явился въ Духовную Консисторію, продолжалъ онъ, по дѣлу перехода въ исламъ, то его тамъ спросили: „Неужели правда, что вы хотите допустить себѣ ношеніе тюбетейки“. Онъ въ присутствіи всѣхъ членовъ Консисторіи торжественно отвѣтилъ: „Да, я давно уже мечтаю объ этой штукѣ, въ данное же время совершенно рѣшился носить ее“. Родомъ онъ изъ Нижегородской губерніи, жилъ сначала въ городѣ Мензелинскѣ, затѣмъ перемѣщенъ въ село. Вдовъ, имѣетъ 10 лѣтнюю дочь, которую тоже перевелъ въ магометанскую вѣру. Настоящее имя его Яхія Искандеровъ, бывшее—Іоаннъ Громовъ.

2-е Августа, Пермь. Въ 5 ч. вечера сѣли на пароходъ, гдѣ очутились съ муллою опять рядомъ. Одинъ неизвѣстный молодой господинъ присѣлъ ко мнѣ, спрашивая откуда я и куда ѣду, затѣмъ онъ обратился съ такими же вопросами на тат. языкѣ къ муллѣ, который, недостойвъ его отвѣта, сдѣлалъ ему строгій выговоръ за непочтеніе къ старшимъ. По мнѣнію муллы, онъ долженъ былъ во первыхъ здороваться съ нимъ, во вторыхъ обращаться съ нимъ не на „ты“, а на „вы“, такъ какъ онъ — почтенный мулла, имѣющій три жены и проч. богатство... Такимъ образомъ, получивъ отъ муллы неожиданный выговоръ, онъ скоро отвернулся отъ насъ. Черезъ нѣкоторое время мы встрѣтились съ нимъ на палубѣ. Я съ перваго раза началъ тутъ говорить по татарски, что его удивило. Познакомились поближе съ нимъ. Имя ему Сафаръ Галинъ Шарафутдинъ. Онъ — народный земскій учитель въ татарскій деревнѣ Мензелинскаго уѣзда, Уфимской губерніи, кончившій курсъ въ Казанской татарской учительской школѣ, татаринъ совершенно обрусѣлый: ни по костюму, ни по выраженіямъ нельзя отличить его отъ русскихъ. По всему замѣтно, что онъ — человекъ довольно начитанный. Мухаммеданства онъ уже давно не держится и не исполняетъ его требованій. „Какже вы живете между татарами, не исполняя обрядовъ и положенныхъ намазовъ мухаммеданской вѣры?“ спросилъ я. — „Въ силу необходимости я иногда механически совершаю намазы и все прочее, иначе мусульмане смотрятъ на меня не хорошо“, отвѣтилъ онъ мнѣ и рассказалъ изъ своей учительской жизни такой случай: „Получивъ назначеніе, пріѣхалъ я въ татарскую деревню, гдѣ открыта земская школа и усердно сталъ заниматься въ школѣ по образцу русскихъ учителей. Тюбетейки я не носилъ и не исполнялъ положенныхъ намазовъ, что вызвало въ татарахъ каксе-то недовѣріе ко мнѣ и возмущеніе. Любилъ я въ свободное время посѣщать дома болѣе почетныхъ мусульманъ, гдѣ общими силами рѣшали интересующіе насъ вопросы. Главнымъ образомъ я сообщалъ имъ свѣдѣнія по культурной части и изрѣдка касался религіозн. чувства ихъ. Они со своей стороны настоятельно требовали отъ меня пошеніе тюбетейки и исполненія пятикратныхъ молитвъ, но я не исполнялъ этаго. Доведенные до озлобленія татары вздумали однажды исправить меня. Съ этою цѣлью въ одно прекрасное время, подъ вечеръ, они пригласили меня въ домъ одного богатаго почетнаго татарина, какъ будто въ гости, заранѣе приготовивъ на дворѣ нѣсколько дюжихъ молодцовъ для наказанія меня своимъ судомъ. Учуявъ такой умыселъ ихъ,

я просидѣлъ у нихъ до зари, не выходя изъ комнаты и остерегаясь въ бѣсѣдѣ съ ними чѣмъ нибудь раздражить ихъ. Съ тѣхъ поръ, въ угожденіе имъ машинально исполняю намазы и имѣю на бритой головѣ тубейку. въ школѣ учатся татарчаты, всѣхъ около 40 человѣкъ. Школьное дѣло постановлено по примѣру прочихъ земскихъ русскихъ школъ“. На мое предложеніе присоединиться къ православію онъ отвѣтилъ отрицательно, держась однихъ мнѣній съ Л. Н. Толстымъ. Нынешнее вакационное время имъ проведено въ путешествіи по Россійской имперіи. Довелось быть ему и въ нѣкоторыхъ Сибирскихъ юртахъ подъ Тюменью. Сибирскихъ татаръ онъ нашелъ на самой низкой ступени развитія. Особенно ему не понравились муллы, ничего не понимающіе и препятствующіе развитію татаръ. „Замѣнить бы всѣхъ этихъ муллъ болѣе образованными лицами, тогда дѣло народнаго просвѣщенія пошло бы лучше“, замѣтилъ онъ.

3 августа, утромъ я поднялся на палубу. Вижу, сидитъ тамъ одинъ только тотъ, который въ вагонѣ сообщилъ татарамъ новости о священникѣ Громовѣ. Я присѣлъ къ нему. Въ скоромъ времени у насъ завязался разговоръ. Мы говорили сначала преимущественно о современном положеніи народа, затѣмъ, какъ-то повернули въ религіозную сторону. Разсуждали мы о воплощеніи Сына Божія, о Божіей Матери, о земной жизни І. Христа, воскресеніи и вознесеніи Его, о Сошествіи Святаго Духа на апостоловъ и о жизни ихъ по полученіи Св. Духа. Къ намъ присоединился еще одинъ татаринъ, который разсказалъ про Адама слѣдующее:

— „Адамъ былъ сотворенъ Богомъ очень высокимъ, такъ что онъ головою касался неба и подслушивалъ совѣщанія ангелозъ. Это Богу не понравилось и Онъ убавилъ его ростъ на половину, послѣ же грѣхопаденія еще на половину, затѣмъ, по мѣрѣ прибавленія грѣховъ его, убавлялъ ростъ его до нормальнаго роста. Этотъ разсказъ его всѣми слушателями — мусульманами отнесенъ былъ къ числу сказокъ.